

Криминальный роман:
любовь и преступление

Людмила Мартова

ЛУННАЯ
ДОРОГА
В НИКУДА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Мартова, Людмила.

М29   Лунная дорога в никуда : [роман] / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-165085-8

Даша предвкушала увлекательный театральный тренинг в уютном гостевом доме на берегу Плещеева озера, а оказалась внутри самого настоящего детектива! Американец Сэм Гольдберг, приехавший в Россию на поиски ребенка, которого он никогда не видел, так и не дождался встречи с ним — его зарезали в собственной спальне. Из-за дождя речка вышла из берегов и размыла мост, перекрыв дорогу в усадьбу, поэтому ее обитателям придется расследовать это преступление самостоятельно. Хорошо, что среди них есть полицейский Евгений Макаров. Даша чувствовала себя обязанной ему помочь, ведь именно она, сопровождая Сэма в качестве гида, предложила ему приехать в этот гостевой дом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165085-8

© **Мартова Л., 2022**
© **Оформление. 000 «Издательство «Эксмо», 2022**

---

*Актрисе и режиссеру
Екатерине Морозовой,
случайно встреченной
и тем не менее
вдохновившей*

*Пришла и говорю: как нынеинемому снегу
легко лететь с небес в угоду февралю,
так мне в угоду вам легко взойти на сцену.
Не верьте мне, когда я это говорю.*

Белла Ахмадулина. Взойти на сцену

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Выстроенные с привычной тщательностью планы рушились, и виной тому был Сэм. Впрочем, каждое его появление вносило в размеренную Дашину жизнь хаос, можно и привыкнуть. Но если раньше речь шла всего лишь о переносе парочки занятий или перепоручении коллегам нескольких неважных экскурсий, то сейчас на кону стояла недельная поездка в гостевой дом на берегу Плещеева озера, и отказываться от нее Даше не хотелось.

Дело было даже не в деньгах, которые она неминуемо теряла. Сэм не скупился и оплачивал ее услуги хорошо. Точнее, даже отлично. В первый раз, когда он провел в Москве десять дней, Сэм заплатил ей по сто долларов за каждый. Когда он уехал, они с Денисом махнули на эти деньги в Турцию. На безмятежную неделю у теплого моря как раз хватило.

В прошлом году, когда Сэм внезапно объявился снова, Даше пришлось ехать в Питер, чтобы возить своего американского клиента по городу и окрестностям, составлять ему компанию в ресторанах, терпеливо мерзнуть, ожидая развода мостов, а главное — выслушивать его беско-

нечные истории из жизни, к слову, те же самые, что и в первый раз. Сэм вообще был похож на заезженную пластинку, повторяя одно и то же размеренным, лишенным интонаций голосом.

Несмотря на все свои деньги, а может быть, и благодаря им он казался человеком довольно ограниченным и неинтересным: в живописи не разбирался, классическую музыку не признавал, от предложений сходить в театр — хоть в Большой, хоть в Мариинку — шарахался как черт от ладана и, кажется, в жизни своей не прочел ни одной книги.

В поездках по миру он не заходил ни в один музей, предпочитая лишь рассматривать здания снаружи, попытаться особым духом, присущим каждому городу, с любопытством рассматривать местных и пробовать еду в дорогих ресторанах. Впрочем, в самые пафосные Сэма не пускали, несмотря на его миллионы, слишком непрезентабельно он был одет.

В довершение ко всему Сэм не умел пользоваться Интернетом. Переезжая из Москвы в Лондон, оттуда в Париж, затем в Амстердам, Шанхай, а потом в Питер, он в каждом городе бронировал для себя англоязычного гида, обязательно с машиной, который составлял бы ему компанию и прокладывал маршрут.

Гид искал ему следующего в недрах Мировой паутины, списывался с ним, договаривался о сотрудничестве, а потом уже Сэм, приезжая в страну, звонил по выданному ему номеру, обсуждая детали встречи и оплату. К людям он, видимо, прикипал, потому что, раз выбрав себе экс-

курсовода в той или иной стране, больше его не менял и в случае повторных визитов звонил снова, формулируя новую задачу.

Неизвестно, как другие гиды, но Даша была готова терпеть любые его чудачества, потому что в Питере он заплатил ей по двести долларов за сутки, а также полностью компенсировал расходы на отель, поселив рядом с собой, и не где-нибудь, а в знаменитом «Англетере», да еще в полулюксе с видом на Исаакиевский собор.

После его десятидневного визита они с Денисом смогли позволить себе Рим, о котором Даша всегда мечтала. Как оказалось, совершенно напрасно, потому что именно там, в Риме, Денис и сказал ей, что им нужно расстаться. Он тогда много чего говорил, Даша не все запомнила, но отдельные фразы еще долгое время внезапно всплывали в памяти, впиваясь иголками в мозг.

Оказывается, с ней невозможно жить, потому что Даша педант и зануда, живет по заранее составленному расписанию, в котором нет места творчеству и полету фантазии. Ее размеренная жизнь душила Дениса, лишила воздуха и возможности свободно дышать. Правда, эта самая размеренность и сопровождающая ее регулярная зарплата позволяли Денису ездить за границу, ужинать в дорогих ресторанах и покупать одежду в фирменных бутиках, потому что сам он, как правило, не работал, не видя ничего позорного в том, чтобы сидеть на Дашиной шее, как это формулировала ее мама. Но не обращать же внимания на такие условности.

Когда он объявил, что им нужно расстаться, Даша даже не поверила сразу в серьезность его слов, потому что жить без нее, а точнее, ее денег, которые она собирала по крупицам, проводя экскурсии, берясь за репетиторство и переводы, а также организуя всевозможные праздники и прочие мероприятия, требующие навыков хорошего менеджера-логистика, Денис точно не мог.

Как выяснилось позже, расставаясь с ней, он уже имел надежный «запасной аэродром». Его новая подруга была гораздо успешнее и состоятельнее Даши, не такой замотанной, а совсем даже наоборот, ухоженнее и красивее, руководила собственным бизнесом, а не ублажала забугорных стариков, решивших вдруг посмотреть Россию. Он тогда так и сказал: «ублажала», и Даше немедленно стало стыдно, как будто она и впрямь делала что-то неприличное, беря заказы от иностранных туристов, к примеру того же Сэма.

Новая подруга твердо намеревалась приобрести статус жены, поэтому оглушивший Дашу развод произошел практически сразу же после их возвращения из Рима. Так как все шесть лет брака жили они в однокомнатной квартирке, доставшейся Денису от бабушки, после развода, а точнее, еще в процессе Даше пришлось съехать обратно к маме.

Та, никогда не питавшая теплых чувств к бездельнику-зятю, в выражениях особо не стеснялась, даже не догадываясь, какую боль причиняют ее резкие слова родной дочери. Даша старалась бывать дома как можно реже, загружая себя работой сверх всякой меры.

Ела она на бегу и всяческую ерунду, на свой внешний вид махнула рукой, потому что нравиться теперь было некому. За полгода поправилась на шесть килограммов, встав на весы, ужаснулась этой цифре и тут же кинулась заедать ее чипсами. Свободного времени было немного, но проводить его Даша пыталась так, как никогда раньше. Сначала она отправилась в поход с палаткой, хотя терпеть не могла бытового дискомфорта, и, естественно, жутко простудилась. Затем купила себе самокат, с которого упала в первый же день и провела две недели в фиксаторе голеностопа, отчаянно хромая и лишившись возможности проводить экскурсии. И, наконец, записалась в самодеятельный театр, где встретила Катю. Катя ее спасла.

– Я живу с мамой, – так начала рассказ о себе Даша, когда пришла на первое занятие в театральную студию под названием «Открытый театр». Даше хотелось верить, что открыт он в том числе для нее и не помещающейся внутри боли. – До недавнего времени жила с мужем, а сейчас – с мамой. Раньше я была уверена, что все люди рождены для любви и быть счастливым – очень просто. Сейчас я знаю, что это не так. Некоторым людям просто судьбой предначертано не быть любимыми, счастливыми и жить с теми, с кем они хотят. Это нормально – просыпаться утром и знать, что ты – просто массовка для тех, кому повезло больше тебя.

– Наша труппа – это место, где каждый участник массовой ранно или поздно играет главную роль, – мягко сказала тогда Катя. – Скажи, тебе ведь хочется что-то изменить? В жизни или в себе?

Даша задумалась. В той жизни, которую она сейчас вела, ее не устраивало абсолютно все. Но изменить? Или, что еще хуже, измениться самой? Это значит стараться, бежать куда-то, что-то доказывать, надеяться, а в самый последний момент в очередной раз понять, что ты неудачница и слабачка, с которой невозможно существовать рядом, поскольку твое присутствие невыносимо.

– Я бы хотела иметь свою квартиру, – наконец сказала она. – Крохотную, с маленькой кухонькой, где на подоконнике стоит банка с чайным грибом и весело булькает кипящий чайник, а в комнату влезает только узкая кровать, небольшой шкаф и комод с телевизором. Чтобы у меня обязательно был торшер в углу, такой, с мягким желтым светом, похожим на кусок сливочного сыра. И еще фикус, который нужно поливать и с которым можно разговаривать, когда становится совсем одиноко. И еще чтобы за окном падали снежинки, а я смотрела на них и пила горячий чай с малинишным вареньем. – Она так и сказала – «малинишным», потому что слово это казалось уютным, как и вся представляемая ею сейчас картинка.

– Если бы у меня была такая квартира, то вечерами я бы сидела дома, смотрела хорошее кино или читала книги. Но пока я живу с мамой, мне нужно куда-то уходить. Это, наверное, непонятно, но дома я не могу быть самой собой.

– Чтобы стать самим собой, нужно сыграть кого-то другого, – загадочно сказала Катя и добавила: – Ты правильно сделала, что к нам пришла.

Тогда Даша не очень поняла, правильно она поступила или нет. Она вообще не очень понимала, что происходит вокруг и что означают странные Катины слова. Это уже потом, на занятиях, она смогла прочувствовать и оценить необычный метод, придуманный Катей, актрисой и режиссером Екатериной Холодовой, который сочетал в себе любительский театр и психологическую лабораторию.

На Дашиных глазах одной из очень скромных девушек, которая никак не могла перебороть застенчивость, Катя дала сыграть Катарину в «Укрощении строптивой». Даша глазам своим не верила, видя на сцене властную неукротимую женщину, помыкающую всеми и вся. Все-го через три месяца после сыгранного отрывка девушка познакомилась с молодым человеком и очень быстро вышла замуж. Второе «я», жившее где-то глубоко внутри, вырвалось наружу, заявило о себе в полный голос и заставило стать другой.

На каждом занятии, которые они, впрочем, как и положено театральному люду, называли репетицией, кто-то новый раскрывал себя, доставая из тайников души качества, о существовании которых даже не подозревал. Эти поиски своего глубинного «я» так захватывали, что человеку становилось интересно с самим собой, а ведь давно известно: только тот, кто интересен себе, становится интересен и окружающим.

Одна из участниц импровизированной труппы, немолодая уже дама, играя Аркадину в чеховской «Чайке» и объясняясь в любви Тригорину, вдруг встала перед ним на колени. Как она потом объясняла, у нее с юности бы-

ла эта фантазия. Она так любила одного из своих мужчин, что мечтала признаться ему в любви, стоя на коленях, только не могла решиться. С тем романом ничего не вышло, и вот сейчас, спустя почти тридцать лет, благодаря Кате и ее необычному методу эта женщина смогла испытать невероятные чувства, пусть на мгновение, но вернуться в ту пору, когда она была молода, прекрасна и влюблена.

Катя любила импровизации и частенько давала им задание разыграть ту или иную сценку, подсмотренную в жизни. Например, вы муж и жена, и вот поссорились. Но если в реальности в такой ситуации человека ведут эмоции, то здесь, на сцене, у них была возможность проанализировать свои слова, прочувствовать стоящие за ними поступки, выработать контраргументы, жизненные ходы или приемы, которыми потом можно будет воспользоваться, оказавшись в аналогичной ситуации.

«Проиграй проблему, чтобы найти из нее выход», – так советовала Катя. И Даша, воспользовавшись советом, проиграла тот, римский разговор с Денисом. Внезапно нашлись слова, которыми она смогла объяснить, что все не лишняя, ненужная и мешающая жить. Растворилась жгучая обида, которая разъедала внутренности, не давая сконцентрироваться ни на чем полезном.захотелось жить, дышать, есть вкусную еду, красить глаза, носить узкие юбки, а не бесформенные балахоны, пользоваться духами и думать о будущем.

Придя в театр, Даша за полгода похудела, похорошела, привела в порядок свои финансовые дела и, взяв ипоте-

ку, купила маленькую квартирку, именно такую, как мечтала, в которой будет торшер, фикус и чай с вареньем. Правда, для того чтобы переехать, в квартире было необходимо сделать ремонт, но это уже казалось форменной ерундой. Даша даже не сомневалась, что справится.

К Кате она относилась как к божеству, не веря до конца, что эта волшебная неземная женщина может стать ей другом. В том, как она восстановила из руин Дашину жизнь, было что-то магическое.

– Ну конечно, это магия, – смеясь, согласилась Катя, когда Даша поделилась с нею своими мыслями. – Магия театра. Понимаешь, здесь человек, становясь другим, может решать свои психологические проблемы. Импробируй, вступай в контакт с другими людьми, превращайся на глазах у них в совершенно другого человека, отслеживай их реакцию, пробуй, отказывайся и снова пробуй, ищи то, что действительно твое. Я убеждена, что это работает.

На лето в «Открытом театре» были объявлены каникулы, и Даша с нетерпением ждала осени, чтобы снова приступить к занятиям. Она очень обрадовалась, когда в середине августа ей позвонила Катя и попросила помочь с реализацией новой идеи. Та задумала выездной тренинг: группа желающих должна была уехать за город, в уединенное место, где ничто не отвлекало бы от искусства, и в течение недели утром слушать лекции об основах систем Станиславского, Вахтангова и Мейерхольда, а также других мастеров сцены, днем разыгрывать импробизации, снимая внутреннее напряжение и решая пси-

хологические проблемы, а вечером репетировать роли в большом серьезном спектакле, чтобы сыграть его перед отъездом. И все это на природе, под шум стучащего по крыше осеннего дождя и треск дров в камине, под настоящей самовар и падающие разноцветные листья.

Для того чтобы вся эта сказка стала реальностью, нужно было найти подходящее место, договориться о брони, собрать желающих, готовых заплатить за подобное времяпрепровождение, подобрать пьесу и костюмы, продумать логистику, решить вопрос с питанием, учесть сотню мелочей и соединить несоединяемое. Во всем этом Даше Муромцевой не было равных.

За подготовку выездных гастролей «Открытого театра» она взялась рьяно и с огромным удовольствием. Во-первых, саму поездку она предвкушала как в детстве обещанную ко дню рождения порцию мороженого. Маленькая Даша часто болела ангинами, а мороженое мама ей запрещала, балуя лишь раз в году, на день рождения. И не было для Даши ничего более праздничного и желанного, чем вазочка со сливочными шариками: ванильным, клубничным и шоколадным.

Во-вторых, как наемному работнику, организующему выезд, ей полагалась пусть скромная, но оплата, а сейчас, когда в новой квартире предстояло сделать ремонт, деньги были совсем нелишними. Ну и в-третьих, уехать на неделю от разлитого в комнатах мамино недовольства Дашиным несовершенством было очень кстати.

Загородный гостевой дом нашелся быстро. Последняя неделя сентября особым спросом не пользовалась, по-

этому Даша имела возможность придирчиво копаться в вариантах, выбирая то, что им с Катей особенно понравится. Нужный дом оказался пятым или шестым по счету. Точнее, это была целая усадьба, расположенная в Ярославской области, на берегу знаменитого Плещеева озера, причем в стороне от населенных пунктов.

Рекламное объявление обещало тишину, изоляцию от шума и суеты, домашнюю кухню из экологически чистых продуктов, выращенных неподалеку, комфортные номера со всеми удобствами, теплую веранду, на которой можно соорудить импровизированную сцену, зал с камином, а в довершение ко всему еще и сосновый бор поблизости. До ближайшего городка Переславля-Залесского на машине было минут двадцать езды, это на тот случай, если кому-то из гостей надоест сидеть затворниками, а 130 километров, отделяющие усадьбу от Москвы, тоже вряд ли могли считаться серьезным препятствием для желающих уехать.

Впрочем, на одних москвичей Катя решила не рассчитывать, попросив Дашу раскидать рекламу в социальных сетях. Расширить географию «Открытого театра» было ее мечтой, и недельная поездка на Плещеево озеро могла дать толчок для развития этой богатой идеи, с которой Даша, разумеется, была полностью согласна.

Отклики на рекламу пошли довольно быстро. Группа постепенно укомплектовывалась, сомнений в том, что все получится, не было, и до отъезда оставалось всего две недели, когда объявился Сэм.

– Хелло, Даша, – услышала она в трубке и едва не застонала от огорчения. Господи, ну сделай так, чтобы он

собрался приехать через месяц, когда вся эпопея с театральным тренингом будет уже позади!

Но нет, Сэм собирался прилететь в Москву ровно накануне того дня, когда Даше нужно будет уезжать. И что делать? Зная Сэма, она была уверена, что он и слушать не захочет о том, чтобы взять другого гида.

– Нет, нет и нет, – решительно заявил он, когда Даша, потев и мямля от неловкости, сообщила ему, что уже ангажирована именно на то время, в которое он на нее рассчитывает. – Я даже слушать ничего не желаю. Я готов платить тебе триста долларов в день, поэтому ты должна отказаться от другой работы.

– Я уже не могу, – соврала Даша, не в силах признаться, что на самом деле она не хочет отказываться. Мысль о трехстах долларах в день жгла мозг, потому что деньги были очень нужны, но подводить Катю и отказываться от желанной поездки Даша не собиралась.

– Где вы на этот раз собирались побывать, Сэм? – спросила она, руководствуясь скорее практическими соображениями по поиску нового гида, который мог бы ее заменить, чем чувством долга или искренним интересом. – Москву и Санкт-Петербург вы уже видели. Что вас интересует теперь?

– Мне нужно побывать в маленьком русском городе, который называется Переславль-Залесский, – услышала Даша и чуть не упала со стула. – Говорят, он очень красив, там много храмов и прекрасная природа. И мне нужно, чтобы со мной поехала именно ты и никто другой.

Я больше никому не доверяю, а у меня в Переславле есть очень важное дело. Мне надо найти там одного человека.

Решение, как все совместить – удовлетворить запросы Сэма, заработать денег, не подвести Катю и съездить на тренинг «Открытого театра», – пришло в Дашину голову мгновенно.

– У меня для вас хорошие новости, Сэм, – сказала она, набрав побольше воздуха, чтобы придать голосу убедительности. – А как вы посмотрите на то, чтобы...

* * *

Макаров злился. С понедельника у него начинался отпуск, который он планировал провести на море, в Турции. С этого года полицейским наконец-то открыли туда выезд, и Евгений предвкушал расслабление на песчаном пляже с полосатыми шезлонгами, заплывы в теплой соленой воде до далеких буйков, где нет никого, кроме дельфинов, сытные завтраки по системе «все включено», вкусные алкогольные коктейли в течение дня и холодное розовое вино на ужин.

Знакомство с какой-нибудь страстной красавицей, охотницей за приключениями, он тоже предвкушал – для чего еще нужен отпуск, если не для жаркого, но недолгого романа, не чреватого ни возможными выяснениями отношений, ни, чего доброго, женитьбой. После недавнего развода надевать на шею новое ярмо Макаров не стремился, а выяснять отношения терпеть не мог.

В отпуск он планировал отправиться вдвоем с Игнатом Лаврентьевым, другом и напарником по поисковому отряду, в состав которого Макаров входил по зову сердца. Вернее, втроем, потому что у Игната была подруга, с которой он и собирался в романтическое путешествие. Женю это вполне устраивало — третьим лишним он быть не соби-рался, а вместе не так скучно.

Первую половину отпуска они с Игнатом провели, как всегда, на раскопах, которые в этом году шли на бирю-ковских болотах, но путного ничего из этого не вышло, потому что вместо поиска останков советских солдат они ловили беглых эзков, искали затонувшие алмазы и рас-следовали два убийства, одно из которых произошло практически на их глазах, а второе за сорок лет до это-го¹. Так что теперь, взяв в конце сентября остатки поло-женных отпускных дней, оба надеялись хорошенько от-дохнуть от ярких впечатлений, для чего сонная и спокой-ная Турция подходила как нельзя лучше.

И вот на тебе! До отпуска оставалось всего-то десять дней, и Макаров уже практически собрал чемодан, поки-дав туда немногочисленные шорты и майки и не забыв плавки, когда ему позвонил Игнат и напряженным голо-сом сообщил, что у него изменились планы и ни в какую Турцию он не едет.

— В смысле? — не понял Макаров. — У нас же путе-вки оплачены.

---

¹ Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Туман над темной водой».

– Путевки у нас обратно примут и деньги вернут, Настя договорилась, – сказал Игнат все тем же напряженным голосом. Настей звали его девушку, ту самую, которая была третьей в их срывающемся путешествии. – Так что ты сам решай, если хочешь, поезжай один, у тебя все равно номер отдельный, ты на нас никак не завязан. Не хочешь – забирай деньги назад и поехали с нами.

– Куда? – не понял Макаров. – Куда вы так резко намылились, что от уже оплаченной Турции отказываетесь?

– В Переславль-Залесский, – услышал он и чуть не свалился с дивана. – Точнее, в какую-то усадьбу на выселках. Там театральный семинар объявили, и Настя во что бы то ни стало хочет туда поехать.

– Что-о-о-о? – Макаров заревел как медведь, разбуженный в берлоге примерно за два месяца до начала оттепели. – Игнасио, друг мой, ты вообще себя слышишь? Вы, а вместе с вами с какого-то перепугу и я, должны похоронить наши планы на двухнедельный отпуск на море по системе «все включено», чтобы отправиться на какие-то никому не нужные выселки, чтобы там в холоде участвовать в семинаре по театральному искусству, а в перерыве ходить в деревенский нужник?

– Я же тебя не заставляю, – мрачно сказал Игнат. – Ты можешь отправляться к морю за солнцем, коктейлями, знойными красотками и розовым вином в запотевшем бокале. А я не могу. Настя сказала, что это очень важно для нее. Она чуть не плакала, и я не смог отказать. Отношения в паре так устроены, что один должен идти на встречу другому.

– В рамках разумного! – гаркнул Макаров. – А меня Турцию на Переславль-Залесский в конце сентября – это неразумно! Ради какой великой цели, хотел бы я знать? Твоя Настя что, собирается стать великой артисткой?

Насколько он знал, Настя работала в туристической компании, благодаря чему они и нашли очень недорогую путевку, которую теперь у них были готовы принять обратно. И откуда у нее вдруг взялась такая непреодолимая тяга к театру?

– Жека, я понимаю, ты злишься, потому что я ломаю твои планы, – примирительно сказал Игнат. – Но на Настю я тебе наезжать не дам. Если женщина хочет, значит, мужчина должен сделать. Меня этому отец учил. Своим живым примером, между прочим! Так что мы с Настей уезжаем в Переславль, и раз это ей так надо, значит, я буду целую неделю разыгрывать сценки в самодеятельном театре. А ты поступай, как тебе удобнее.

По уму, надо было послать Игната к чертям и уехать в Турцию одному. Познакомиться там с веселой девахой без комплексов и оторваться по полной программе, как изначально и планировалось. Хочется Игнату податься в артисты – ради бога. Евгений Макаров и сам не знал, почему велел сдать и его путевку тоже. Сейчас, сидя за рулем машины, увозившей его, Игната и Настю в неведомую усадьбу, он злился на себя даже больше, чем на друга-подкаблучника.

И как так вышло, что он согласился на эту аферу, из которой точно не выйдет ничего хорошего? Предстоящая

неделя казалась скучной, атмосфера провинциально-загородного дома – унылой, незнакомая публика – с тараканами в голове. Эх, пропала неделя отпуска, как есть пропала! Игнат, чувствуя раздражение друга, сидел на соседнем сиденье молча, и даже болтушка Настя притихла сзади. Знает кошка, чье мясо съела! Из-за нее же отпуск псу под хвост. Нет, все беды в этой жизни точно из-за баб.

С этой мрачной мыслью Макаров съехал с ровной и аккуратной трассы в Переславль. Последний раз он был здесь лет восемь назад и то проездом и ночью. В памяти сохранились выбоины на дорогах, погруженные в тьму улицы с редкими тусклыми фонарями, облезлые старые дома и общая унылость, в которую, казалось, был погружен городок.

Сейчас же Евгений вертел головой по сторонам и не мог прийти в себя от удивления. Асфальт был ровным, улицы чистыми и словно умытыми, дома отреставрированными и покрашенными. То там, то сям всплывали вывески музеев, и на десятом Макаров понял, что, пожалуй, сбился со счету. Здесь явно ждали туристов и пытались им угодить. Гостевые дома и маленькие отели тоже степенно стояли на обочинах, словно кланяясь дорогим гостям, несколько раз встретились указатели на Плещеево озеро, но навигатор в машине вел дальше, и Евгений вспомнил, что усадьба, в которой им предстояло провести неделю, расположена за городком, где-то на отшибе.

Внезапно ему отчаянно захотелось уже доехать в покой и уют того места, где их ждали. Сентябрь в этом году

выдался холодным, в домах еще не топили, и по ночам Макаров довольно сильно мерз. Рекламный проспект, который скинула ему Настя, когда Макаров сухо об этом попросил, обещал, что в гостевом доме будет центральное отопление в комнатах и камин в общей гостиной, цивилизные ванны комнаты и туалеты с горячей водой и подогреваемыми полами, а также неимоверная красота золотой осени за окном.

Деревья на трассе уже были одеты «в багрец и золото», в аккурат по Пушкину, и неожиданная поездка впервые показалась ему не такой уж глупой затеей. Может, и бог с ней, с этой незадавшейся Турцией! А страстная красотка для души и тела, быть может, и здесь найдется.

У него вообще был легкий характер. Макаров не умел долго дуться и расстраиваться по поводу того, что невозможно изменить. Если уж так случилось, что Турция отменилась, значит, у судьбы на Евгения Макарова есть свои планы, отличные от его собственных. А значит, так тому и быть.

– Ну слава богу, отошел, а то уж я боялся, что зашибешь ненароком, – на соседнем кресле заерзал, отдуваясь, Игнат. – Слышь, Насть, его высочество больше на нас не сердится. А там, глядишь, еще и благодарен будет, что мы его спасли от солнечных ожогов, игл морских ежей и отравления несвежей едой.

– То есть ты еще и благодетель, – откликнулся Макаров, сворачивая на узкую неасфальтированную дорогу, которую указывал навигатор. Дорога вела через поле. С одной стороны, совсем рядом ласково плескалось

озеро, словно нашептывало что-то. С другой — росли камыши, и Макаров неожиданно поморщился — они до боли напомнили ему бирюковские болота, от событий на которых он, оказывается, отошел еще не полностью. Интересно, если пойдут затяжные дожди, здесь можно будет проехать?

Впрочем, думать о возможном апокалипсисе было некогда. Дорога, изгибаясь и виляя по полю, уже привела их к большим деревянным воротам, крепящимся на чугунной, очень добротной ограде. За воротами обнаружился большой трехэтажный дом с красной черепичной крышей, на первый взгляд крайне недешевой, выложенная качественной плиткой парковка на шесть машин, увитая покрасневшими листьями дикого винограда уличная беседка с большим крытым мангалом рядом, а также три домика поменьше, чуть в отдалении. Усадьба.

На парковке стояли ярко-алый «Порше», микроавтобус «Фольксваген» и скромный «Опель». У мангала коренастый здоровый мужик в стеганой безрукавке поверх спортивного костюма укладывал ровной стопкой дрова. Он повернулся и посмотрел на паркующуюся машину. Макаров по профессиональной привычке успел отметить острый взгляд, брошенный из-под лохматых бровей, и короткую ухмылку, на мгновение искривившую полные, хорошо очерченные губы. Что ж, к гостям тут относятся снисходительно, так и запишем.

От входных дверей к ним уже спешила ладно скроенная молодая женщина с короткой стрижкой на светлых густых волосах. Как равнодушно отметил Евгений, довольно

симпатичная, не более. Такие скромные тихони были не в его вкусе. Яркие броские брюнетки с вызовом в томном взоре заставляли его кровь закипать, и, если уж проводить гастрономические параллели, то он предпочитал мясо, а не рыбу.

– Здравствуйте, – скороговоркой заговорила женщина, – рада приветствовать вас в усадьбе. Меня зовут Даша, я организатор этого тренинга, точнее сказать, менеджер. Со всеми вопросами, связанными с вашим пребыванием здесь, можете обращаться ко мне. Сейчас мы пройдем к администратору, где вы сможете получить ключи от своих комнат. Екатерина Холодова, автор «Открытого театра», приедет чуть позже, поэтому официальное знакомство и старт программы состоится вечером, после ужина. Пока же вы можете располагаться и отдыхать. На первом этаже, в гостиной, накрыт чай с пирогами. Часть гостей уже приехала, но еще не все.

– И сколько человек участвует в этом безумии? – спросил Макаров, привыкший вникать в детали. В его работе от деталей частенько зависела жизнь.

– Организаторов трое: автор методики Екатерина Холодова, я и наш костюмер Маргарита Романовна. Вместе со мной приехал гость, господин Сэм Голдберг. Он не участвует в программе «Открытого театра», но проведет эту неделю тут, с нами. Кроме того, в доме живет еще одна семья, которая просто приехала отдохнуть. Они забронировали номер еще до того, как я выбрала этот гостевой дом для нашего мероприятия, но я уверена, что они нам не помешают. Это семейная пара с двумя детьми. Соб-

ственно участников «Открытого театра» девять человек, включая вас троих. Один коттедж пустует, во втором живет деловой партнер Михаила Евгеньевича, это муж нашей хозяйки Татьяны и владелец усадьбы. Третий — принадлежит самим хозяевам.

«Всего около двадцати человек, это не считая администраторов, горничных и поваров, — быстро посчитал Макаров. — С одной стороны, довольно много, тихого спокойного отдыха не получится. С другой — шансы найти себе пару для короткого романа все-таки есть». Настроение у него продолжало повышаться, хотя он и сам не мог сказать, от чего именно.

Стоять на улице было холодно, изо рта шел пар, ноги в тонких ботинках начали примерзать к плиткам парковки. Мужик у мангала, видимо, тот самый Михаил Евгеньевич, продолжал кидать косые, недружелюбные взгляды. На человека, у которого мог быть деловой партнер, он не походил ни капельки, да и бог с ним. С озера дул резкий ветер, стеливший траву вдоль земли и заставлявший возмущенно шептаться деревья.

— Женька, ты идешь или стоишь? Холодно же, — позвал друга Игнат, уже доставший из багажника сумки.

— Да, иду. — Макаров скинул с себя так не вовремя охватившее его оцепенение, подхватил свою сумку, запер машину и поспешил ко входу в дом. Рядом с ним шла менеджер, Даша, кажется. Ветер трепал ее стильную стрижку, открывая тонкую шею и маленькие, розовые от холода уши с сережками-гвоздиками в просвечивающих на осеннем солнце мочках. От чего-то их вид Макарова

умилил. Он придержал тяжелую дверь, пропуская молодую женщину вперед, и она поблагодарила его кивком головы, машинально, словно и не заметив.

Макаров усмехнулся про себя и тут же замер, пригвожденный к месту невиданной картиной. У стойки администратора стояла ослепительная красавица. Длинные каштановые волосы, в художественном беспорядке рассыпавшиеся по безукоризненной спине, тонкая шея с приличным бриллиантом в ложбинке, тонкой лепки лицо, над которым не покладая рук трудился высококлассный косметолог, огромные глаза с плещущейся в них синевой, высокая грудь, тонкая талия, округлая попка, длинные стройные ноги... Дальше он не успел ничего разглядеть, потому что закашлялся от нехватки воздуха. Оказывается, заметив диву, он перестал дышать.

В сторонке понимающе засмеялся Игнат. Менеджер Даша оглянулась, оценила ситуацию, и ее лицо тут же приобрело скучающее выражение, как будто она что-то для себя поняла про него, Евгения Макарова. Впрочем, мнение какой-то там Даши его совершенно не интересовало, в отличие от знойной красавицы у стойки.

Она уже закончила выяснять то, что ее интересовало, и отошла, уступив место Игнату с Настей. Макаров решил не терять времени даром.

– Здравствуйте, разрешите представиться. Меня зовут Евгений, можно Женя. А вас?

Она еще не успела ответить, а Макаров уже разглядел и прозрачную чистоту бриллианта между ключицами, и фирменный знак Шанель на крохотной сумочке с цепоч-

кой через плечо, и крупный логотип Гуччи на вставленном в джинсы ремне из мягкой коричневой кожи. Разглядел и вспомнил, что на нем самом спортивный костюм, купленный в «Спортмастере» и кроссовки «Адидас» сомнительного происхождения.

Красавица по «адидасу» скользнула небрежным профессиональным взглядом и едва заметно улыбнулась.

– Меня зовут Паулина, – впрочем, довольно доброжелательно ответила она. – Предваряя остальные вопросы, сообщу, что я – счастливая жена и мать двоих очаровательных детей.

– Так это вы тут отдыхаете семьей, – промямлил поверженный в прах Макаров. – Нас предупредили – вот, Даша, – что тут в одном из номеров живет пара с двумя детьми.

– Нет, я тут одна. Приехала на актерский ретрит. Муж и дети остались дома, потому что они с уважением относятся к моим увлечениям, – улыбнулась Паулина. Улыбка у нее была потрясающая, хотя что с этого толку? – Семья тут действительно отдыхает, занимает соседний с моим номер на третьем этаже, но я эту неделю планирую провести в приятном одиночестве. Не считая занятий, конечно.

Сказано все было предельно ясно, и Макаров невольно закручинился, поскольку деваха была красивая и, сразу видно, дорогая. Впрочем, зачем ей нищий разведенный мент, пусть даже и в качестве краткосрочного увлечения? Такие для жизни имеют упакованных мужей с каким-нибудь банковским или даже нефтегазовым бизнесом, а для развлечения фитнес-тренеров с кубиками

на животе. Ни нефтяной скважины, ни кубиков в анамнезе у Макарова не было.

Игнат с Настей уже получили ключи от своей комнаты на втором этаже, и администратор обратилась к Евгению. Он заставил себя сосредоточиться, стараясь понять, что именно ему говорят.

– Ваш номер на первом этаже. С вами будет жить молодой человек.

– Какой молодой человек? – Макаров отчего-то был уверен, что его ждет одноместный номер, как в отменившейся Турции. К присутствию соседа он был не готов.

– Он еще не приехал, – вступила в разговор Даша. – В нашей группе есть женщина с двумя детьми. Она живет в одном номере с дочкой, а ее сын делит номер с вами.

– Ребенок? – ужаснулся Макаров, который не любил детей, потому что не умел с ними обращаться. – Скажите, а отдельных номеров тут нет? Я готов доплатить.

– Ну, не такой уж он и ребенок, парню двадцать два года, он студент МГУ. А отдельных номеров нет, мы это обговаривали с Настей, когда она бронировала тур. Ваша троица прислала заявку последней, поэтому все остальные номера были уже заняты.

Макаров бросил уничижительный взгляд на Игната, который стоял в стороне, старательно делая вид, что он тут ни при чем.

– Ладно. Разберемся, – Макаров протянул руку и выхватил ключ, на котором болталась бирка с номером «1». Улучшившееся было настроение снова начало портиться. Да уж, веселая неделька ему тут предстоит, ничего не скажешь!

Игнат с Настей уже поднимались по лестнице, вслед за ними ловко перепрыгивала со ступеньки на ступеньку прекрасная Паулина, решительно и бесповоротно отвергнувшая его ухаживания. Ладно, еще не вечер, может быть, тут найдется кто-нибудь более доступный, пусть даже и не такой прекрасный, как она.

Макаров отпер дверь своего номера, зашел внутрь и с треском захлопнул ее за собой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Против своей воли Даша сильно волновалась. С одной стороны, она знала, что предусмотрела тысячу и одну мелочь, а потому все должно было пройти хорошо. С другой — все равно волновалась: вдруг что-то забыла, о чем-то не подумала и кто-то устроит скандал, из-за которого атмосфера в гостевом доме, таком удобном и уютном, станет невыносимой, и гости разъедутся, разочарованные, упрекая себя в том, что подписались на дурацкую авантюру. И Катя расстроится. Ее душевное состояние для Даши было очень важно.

Переживала она и из-за Сэма — прекрасно знала, насколько он может быть невыносим. Но как раз американец не создавал ни малейших проблем: люксом, в который его заселили, остался вполне доволен, про саму усадьбу, а также окружающую ее природу сказал, что они «wonderful», под ногами у Даши не путался, позволяя ей выполнять свои обязанности по встрече и заселению гостей. Сходил на озеро, задумчиво посмотрел на уток, вер-

нувшись, выпил чашку кофе и улегся в номере с книжкой. Ну и слава богу.

Первой проблемой стал один из гостей – высокий, крепкий мужик в спортивном костюме, которому, казалось, все изначально не понравилось. При заселении он устроил скандал из-за двухместного номера, который ему пришлось делить с другим участником выездного ретрита. Он был готов доплатить, чтобы жить одному, но свободных номеров не осталось, а потому купировать скандал Даша не могла при всем своем желании.

Люксов в гостевом доме было два: один занимал Сэм, другой – Катя Холодова. Конечно, можно попроситься ночевать к Кате, на маленький диванчик в небольшой гостиной ее люкса, но Даша жила в номере на втором этаже, по соседству с Сэмом, которому могла понадобиться в любую минуту, а Катин люкс был на третьем. Постоянно бегать по лестницам представлялось довольно сомнительным удовольствием.

На втором этаже располагалось еще два номера: в одном поселился друг склочного мужика со своей девушкой, которые, наоборот, были всем довольны. А во втором – Анна Штейнер, австрийская подданная с русскими корнями, приехавшая в Москву проведать родителей и вдруг решившая отправиться на актерский ретрит в глупинку.

На третьем этаже, кроме люкса Кати, было еще три номера. В одной жила Паулина Колокольцева, ослепительная красавица, при виде которой скандальный мужик сразу начал пускать слюни. Возможно, его плохое на-

строение было как раз вызвано тем обстоятельством, что Паулина вежливо, но лихо поставила его на место, дав понять, что ничего у него с ней не выйдет. Этот момент Даша вспоминала с плохо скрываемым удовлетворением. В неприкрытом мужском интересе гостя (она специально посмотрела в своих записях, его звали Евгением Макаровым) было что-то столь непристойное, что даже подташнивать начинало.

Второй номер занимала пока не приехавшая Ольга Тихомирова с четырнадцатилетней дочкой. В тренинге принимал участие и ее сын, двадцатидвухлетний Илья, именно ему не повезло делить номер на первом этаже со склочником Макаровым. Последняя комната на третьем была занята той самой семьей с двумя детьми, которые успели забронировать гостевой дом еще до Даши. В другом номере на первом этаже жила приехавшая вместе с Дашей костюмер, отвечавшая за театральные реквизиты и музыкальное сопровождение, и еще одна участница, Елизавета Мучникова, к своим тридцати годам сделавшая неплохую карьеру в Газпроме.

Никого не переселить, чтобы избежать скандала. Если только в самом деле попроситься жить к Кате, уступив Макарову свой номер. Вот только что делать с Сэмом? Даша и так чувствовала себя неловко, что притащила американца в глушь и собиралась почти на неделю предоставить его самому себе. Она честно предупредила его, что у нее будет много времени уходить на организационные вопросы и она не может уделять своему гостю много времени. Как ни странно, Сэм сразу согласился поехать.

– Я просто поживу в русской глубинке, – сказал он. – Попробую побыть в шкуре местного человека, с любопытством посмотрю на ваши спектакли. Я вообще люблю смотреть на то, чего не понимаю. А потом, когда ты освободишься, мы проведем в Переславле еще неделю, чтобы выполнить то, ради чего я туда еду.

Конечно, Даша сразу спросила, кого именно он собирается найти и чем она может помочь, однако Сэм велел не бежать впереди паровоза и пока просто заниматься своими делами.

– Всему свое время, – сказал он.

Во всем этом было что-то неправильное, но Даша решила не заморачиваться. Сэм был странным сам по себе – с образом жизни перекасти-поле, который он вел, несмотря на огромное состояние, одеждой в стиле «оборванец» и неизбывным одиночеством. В конце концов, может быть, ему и правда хочется просто побыть среди людей, пусть даже и незнакомых.

Эту неделю им всем предстояло провести в довольно разношерстной компании. Почему-то на выездной тренинг записались очень разные люди, как по профессии, так и по возрасту, доходам и образу мыслей. Однако Даша строго напомнила себе, что ничего странного в этом нет. Театральный курс Екатерины Холодовой был призван решать психологические проблемы, а они возникали у людей вне зависимости от их социального статуса. Как говорится, богатые тоже плачут.

Самой Даше в ходе подготовки тренинга стало казаться, что ее собственные слезы наконец-то иссякли. У нее

был приличный доход, новая, ожидающая ремонта квартира, любимое увлечение, которое позволяло ей перевоплощаться, становясь совсем другой, а еще Катерина, готовая протянуть руку помощи, если это вдруг понадобится. О чем еще мечтать?

Большинство молодых женщин, оказавшихся в Дашиной ситуации, мечтали бы о новой любви, семье и о детях, но думать об этом пока еще было очень больно, поэтому Даша и не думала. У нее есть театр, на данный момент этого вполне достаточно.

Заселив всех оставшихся гостей, она с облегчением убедилась, что неприятный Макаров успокоился и больше не скандалит. По крайней мере, Илью он в номер пустил безропотно, кивнув в сторону свободной кровати. Не орет, вещи не швыряет — уже хорошо.

В мессенджере была создана заранее группа, куда Даша включила всех участников, чтобы оповещать их о важных событиях и изменениях в программе. Сейчас она сбросила в общий чат сообщение, что всех гостей ждут на веранде к восемнадцати часам — познакомиться и узнать план действий. Сразу после знакомства в семь вечера хозяева усадьбы приглашали на торжественный ужин, который должны были накрыть в каминном зале.

До шести оставалось чуть меньше часа, а Катерина все еще не приехала, поэтому Даша снова начала волноваться. Что она будет делать, если руководитель тренинга опоздает? Как выкручиваться перед собравшимися, людьми, всеми как один непростыми? А если у Кати сломалась машина? А вдруг она попала в аварию? Дашу

начало трясти как в ознобе, потому что характером она обладала тревожным и в панику впадала быстро.

Она выскочила на улицу выглянуть за ворота, сама не зная зачем. Холодный сентябрьский ветер тут же куснул ее за голую шею, деловито пробрался под тонкий свитерок, заставив кожу покрыться мурашками. Сентябрь в этом году стоял студеный, словно на дворе начало ноября. Кажется, еще чуть-чуть и снег выпадет. Снег Даша не любила, как и все связанное с зимой, холодом и темнотой.

Вот и сейчас на улице уже начинали спускаться сумерки. Еще час — и вовсе стемнеет, а Екатерина где-то там, на дороге. Даша обхватила себя руками за плечи, чтобы хоть немного согреться. Звонить или не звонить? Показывать свое волнение или не стоит? Актриса Холодова, конечно, никогда не смеялась над Дашей и ее странностями, но зачем давать лишний повод думать, что у тебя с головой не все в порядке?

Стукнула входная дверь, и на пороге появилась высокая мужская фигура. Макаров. Даша ненадолго отвлеклась от мыслей о Екатерине и уставилась на него. Интересно, что ему нужно? Может, сбежать хочет?

Впрочем, как и она сама, Макаров был без верхней одежды, в одном спортивном костюме. Не обращая внимания ни на холод, ни на Дашу, он отошел в сторонку, прислонился к стене дома и закурил. Так вот зачем он очутился на улице. Звонить при нем Кате Даша не собиралась. Она сделала несколько шагов, очутилась у открытых ворот и вышла наружу, вглядываясь в темноту. От

напряжения и холодного ветра у нее тут же заслезились глаза. Дорога была пустынная.

– А-а-а-а-а! – страшный крик раздался откуда-то из темноты.

Даша подпрыгнула на месте и тут же застыла, не зная, бежать на этот явно взывающий о помощи голос или метнуться обратно к дому, где есть люди. Краем глаза она увидела, как Макаров отшвырнул окурок – тлеющий кончик сигареты описал в воздухе ярко-красную точку и рухнул на плитку. Сам он уже был рядом с Дашей, за воротами, и крепко держал ее чуть повыше локтя, не давая двинуться.

– Что это было? – требовательно спросил он.

Даша пожалала плечами.

Крик повторился, теперь в нем были визгливые ноты, которые можно было принять за рвущийся из груди хохот. Кто мог то ли плакать, то ли смеяться здесь, в усадьбе, расположенной в двенадцати километрах от другого жилья?

– Я пойду посмотрю, – решительно сказал Макаров.

– Подождите, не надо, это может быть опасно, – слабо запротестовала Даша. Он посмотрел на нее то ли с жалостью, то ли с отвращением во взоре:

– Именно поэтому я и должен сходить посмотреть.

Там, где кончался забор, довольно далеко от ворот, появились четыре фигуры, две высокие и две пониже. Одна из маленьких фигурок вдруг накинулась на вторую и начала щекотать. Вторая снова закричала:

– А-а-а-а!

– Федя, Санька, перестаньте. Вы тут всех жильцов взбаламутите, – сказала приближающаяся к Даше и Макарову высокая стройная женщина в красном пуховике и с забранными в высокий хвост светлыми волосами. – Вы уж простите, но, пока не наорутся всласть, не успокоятся. – Эти слова предназначались застывшим в воротах людям. – Мы их специально уводим на озеро, чтобы они могли набегаться и выплеснуть энергию. Дети, что тут поделаешь.

Стоящий рядом с ней мужчина коротко усмехнулся, словно извиняясь за балующихся детей, но в то же время признавая их полное право так себя вести. Он тоже был высоким и спортивным. Вытащив что-то из кармана, кажется, портсигар, Даша не успела рассмотреть, потому что движение было таким молниеносным, он закурил, коротко кивнул и прошел дальше.

Только сейчас Даша поняла, что перед ней та самая семья, которая занимает номер на третьем этаже. Дети просто балуются, а она уж невесть что подумала! Впрочем, не она одна. Макаров тоже заволновался, она это видела.

– Кажется, я должен сказать спасибо вам за то, что вы поселили меня на первом этаже, а не на третьем, – сказал он, сплюнул под ноги и повернулся в сторону дома. – Вы идете или предпочитаете нахаживать тут пневмонию?

Даша посмотрела на часы – они показывали уже почти половину шестого. Господи, ну где же Екатерина? К счастью, на дороге появилась белая машина, принадлежащая Холодовой. Через минуту актриса въехала во

двор, припарковалась на свободном пятачке, выскочила наружу и бросилась обнимать Дашу.

– Дашунчик, ты меня встречаешь, да? Как мило.

Обойдя машину, она достала из багажника довольно вместительный чемодан, щелкнула брелоком сигнализации.

– Такие пробки в Москве, думала, опоздаю, но нет, ничего, успела. Сейчас вещи брошу, и будем знакомиться со всеми. А ты чего на улице, Дашунчик? Волновалась, что я опаздываю?

Положительно ничего нельзя было скрыть от этой женщины.

– Захотелось воздухом подышать, – уклончиво сказала Даша, чувствуя, как спадает напряжение, вызванное Катиным отсутствием, и уходит страх из-за непонятого крика, оказавшегося всего-навсего детской шалостью.

– Смотри не простудись, ты мне здоровая нужна, – погрозила пальцем Екатерина, и они все наконец-то зашли в дом, показавшийся после холода улицы теплым, гостеприимным и комфортным.

В шесть часов все гости собрались на крытой террасе, из которой открывался замечательный вид на озеро и пламенеющие вдали деревья близкого леса. Пошел дождь. Крупные капли стекали по стеклам французских – в пол – окон, сквозь которые было видно вспоминающую об ушедшей свежести траву, еще зеленую, но уже пожухлую, увядающую.

Под навесом дымился мангал, на котором хозяин усадьбы Михаил Евгеньевич собирался что-то жарить к ужину. Сам он, несмотря на дождь, суетился рядом,

в брезентовом дождевике, накинутом поверх стеганой куртки, шебуршил дрова толстой витой кочергой да раскладывал на большой решетке что-то завернутое в фольгу, то ли мясо, то ли рыбу.

Чуть вдаль над озером поднимался туман, видимо, от того, что вода была сейчас теплее воздуха. Даша вспомнила его вечернюю колкость и зябко повела плечами, хотя на веранде было тепло.

– Я рада приветствовать всех вас на нашем актерском ретрите, – говорила тем временем Катя, высокая, стройная, с забранными в строгий пучок волосами. Ее тонкое одухотворенное лицо выглядело сейчас особенно красивым. Катя всегда неимоверно хорошела за работой. – Наш с вами распорядок будет таким. С понедельника по среду в первой половине дня мы будем проходить теорию. Я расскажу вам о системе Станиславского, о приемах и методах, которые позволяют раскрепоститься на сцене. После обеда мы будем разыгрывать импровизации, в ходе которых каждый из вас сможет понять, каково это – проживать ту или иную эмоцию. Вы также сможете сами придумать или вспомнить из своего опыта ситуацию, в которой вы не знали, как быть, или вам бы хотелось поступить иначе. Убедена, что, проиграв ее, вы сможете легко найти выход из трудного положения. Собственно говоря, именно на этом и основан психотерапевтический эффект нашего театра.

Даша улыбнулась: со всем сказанным она была совершенно согласна, а в эффективности Катиного подхода убедилась на собственном опыте. Она оглядела собрав-

шихся, чтобы оценить степень их возможного скепсиса. На лице Лизы Мучниковой, работающей в Газпроме, она прочитала что-то похожее на внутреннюю борьбу, словно девушка и хотела поверить Катиным словам и не могла преодолеть свое рациональное нутро.

На лице Анны из Австрии был написан неожиданный интерес, словно, отправляясь в усадьбу, она даже не представляла, чем им тут предстоит заниматься, а сейчас, узнав, сочла это забавным. На лицах мужчин – Игната и Евгения – читалась откровенная скука, им все эти экзерсисы были совсем не нужны и неинтересны. Скучающей и напряженной выглядела и девушка Игната Настя, хотя Даша была убеждена, что вся троица оказалась здесь именно из-за нее.

Понимание и внутреннее удовлетворение сквозило сквозь идеальные черты красавицы Паулины. Интересно, от каких внутренних проблем с помощью театрального искусства собиралась избавиться эта холеная жена богатого мужа, который, как знала Даша из Интернета, был почти на тридцать лет старше своей прекрасной жены?

И только у двоих человек на веранде глаза горели огнем: это были Ольга Тихомирова и ее старший сын Илья. Женщина даже молитвенно сложила руки на груди, раскачиваясь в такт Катиным словам, словно от них зависела ее жизнь. А молодой человек смотрел на актрису так внимательно, что на мгновение Даше показалось – на той вспыхнет одежда. Ее слова отзывались в них так явно и больно, что даже смотреть на это было невыносимо. Даша отвернулась.

Теперь в поле ее зрения оказался Сэм, который занимался тем же, чем и она сама, — наблюдал. Его ровный, ничего не выражающий взгляд перебегал с одного участника встречи на другого, подолгу ни на ком не останавливаясь, но он явно делал какие-то выводы относительно каждого из присутствующих, и на мгновение Даше стало неприятно. Он был чужим, далеким от их жизни и проблем человеком, при этом не участвовал в ретрите сам, что давало Сэму преимущество перед остальными. Становясь свидетелем их маленьких тайн, он никак не рисковал тайнами собственными.

Даше вдруг стало интересно, а что именно понимает американец Сэм, не владеющий русским языком. Конечно, он говорил, что вырос в России, но уехал так давно, что основательно подзабыл когда-то родной язык. По крайней мере, в разговоре с Дашей он всегда предпочитал английский. Может быть, его сосредоточенный вид связан именно с тем, что он силится понять все оттенки беседы? А легкая ирония в глазах — с тем, что он просто посмеивается над собой.

— Следующие дни мы посвятим репетиции нашего главного спектакля, — продолжала между тем Катя. — Премьеру сыграем в субботу, накануне дня отъезда. А пока сегодняшним вечером я предлагаю оставить для знакомства друг с другом. Предлагаю сделать это тоже в форме маленького представления. вспомните или придумайте историю, которая характеризует вас как нельзя лучше, а затем сыграйте ее для остальных.

– А это обязательно? – Это спросил Макаров, который выглядел донельзя мрачно. – Можно просто представиться без всех этих глупостей? Я, знаете ли, в актеры не рвусь и в душеспитательные театральные эффекты не верю. Можно я побуду просто зрителем?

– Ну конечно, можно. – Катя кротко улыбнулась, потому что умела находить подход к самым разным людям, в том числе к невоспитанным и с дурным характером. – Давайте будем исходить из того, что вы все здесь на отдыхе, а потому имеете полное право делать только то, что хотите. Договорились?

Макаров кивнул – его это, по всей вероятности, устраивало.

– Вот и замечательно, – сказала Катя. – Те, кто не хочет, не обязаны ничего придумывать и могут за ужином просто коротко рассказать о себе. Кто готов – у вас есть время подумать и составить план своего маленького выступления.

– А можно мне тоже поучаствовать? – спросил, обращаясь к Кате, Сэм.

Говорил по-английски, но сам вопрос неопровержимо доказывал, что он все понял.

– Да, конечно, – тоже перешла на английский Катя.

– Я прошу прощения за то, что вмешиваюсь. Я здесь просто гость. Но мне вдруг стало любопытно. – Теперь Сэм говорил по-русски, немного медленно и со странным акцентом, но четко и правильно. – Почему бы не попробовать что-то новое. Вы не находите?

– Ух ты. – Паулина сверкнула своими прекрасными глазами и хлопнула в ладоши от восторга. – Как интересно! Я была уверена, что вы – иностранец, а вы, оказывается, говорите по-русски. Где вы так хорошо выучили наш язык?

– Всему свое время. – Сэм улыбнулся, явно довольный произведенным впечатлением. Даша внезапно подумала, что своей манерой поведения и реакцией на внешние обстоятельства он уже не в первый раз напоминает ей ребенка. – За ужином я обязательно о себе расскажу.

Непонятно от чего, но в этот момент Даша испытала безотчетную тревогу. Она по-прежнему не знала, зачем Сэм приехал в такую глушь и кого собирается искать в стране, в которой не был несколько десятков лет. Но ей не нравилось, что его секрет (а она даже не сомневалась, что за всем этим скрывалась какая-то тайна) вот-вот станет достоянием гласности.

«Надо успеть поговорить с ним до ужина, – решила Даша. – Выяснить, что он хочет мне поручить и что собирается о себе рассказать. В конце концов, он очень богатый человек, а значит, легко может стать добычей злоумышленника».

– А по-китайски вы, случайно, не говорите? – спросил у Сэма Илья. – Я, знаете ли, студент-китаист. Английский у меня свободный, а вот в китайском я бы с удовольствием попрактиковался.

– Случайно говорю, хотя и немного. Когда я был вынужден заниматься семейными делами, то имел дело с китайскими партнерами и даже два года жил в Шанхае.

Он вдруг перешел на незнакомый Даше, «птичий язык», на котором Илья стал с воодушевлением ему отвечать.

– Кажется, наш клуб по интересам сложится даже удачнее, чем мы планировали, – шепнула на ухо Даше присевшая рядом Катя. – Не знаю, как ты, а я предвкушаю очень интересную неделю.

– Поживем – увидим, – уныло сказала Даша, которую все не оставлял тревожный настрой. – А пока я пойду проверю, все ли готово к ужину.

* * *

Наблюдать за собравшимися Макарову было любопытно – уж больно разношерстная, на его взгляд, подобралась здесь компания. Благообразный иностранный старикашка, внезапно заговоривший по-русски; эталонная красавица Паулина, так обидно отвергшая его ухаживания; молодая, но уже преисполненная собственной значимости особа, работающая в Газпроме; простоватый Игнат и такая же Настя; живая хохотушка Анна с глазами, слишком серьезными для ее оживленного поведения; длинный нервный парень, увлекающийся китайским языком; его словно раз и навсегда испуганная мамаша, у которой, говорят, имелась дочка, но Макаров ее пока не видел.

«У нашей Сашеньки сложный характер», – словно извиняясь, объяснила необходимость отнести ужин в номер мать. Спорить никто не стал.

Сам Макаров, чувствовавший свою полную неуместность, уже перешел из состояния беспричинной злобы на весь белый свет к веселому удивлению, с которым оглядывал публику, пытаясь понять, зачем они все здесь собрались.

В то, что с помощью театрального искусства можно решать внутренние проблемы, он не верил ни капельки. Да и проблем у него никаких не было. Бывшая жена любила повторять, что Макаров прост как банный веник, и своей простотой он, пожалуй, даже гордился, потому что сложных людей не понимал и побаивался. Они были способны на что угодно, включая расчленение трупа.

Помимо участников театральной сродки во главе с актрисой Екатериной Холодовой, которую Макаров смутно помнил по какому-то давнему сериалу, за столом еще сидела менеджер Даша, та самая, которой он с ходу так сильно не понравился, что она даже не пыталась скрыть свою антипатию, смотрела неприязненно и холодно, а также дама лет сорока, которую представили как костюмера Маргариту.

К общему столу вышли также хозяйева усадьбы – Татьяна и Михаил Евгеньевич, а также гостящий в отдельном домике бизнесмен, представившийся Игорем Арнольдовичем. Спустилась к ужину и семейная пара с двумя шумными детьми, которым, впрочем, было накрыто чуть в сторонке, чтобы они не мешали остальным гостям.

Татьяна оказалась высокой худощавой женщиной в длинном, практически в пол платье, поверх которого был надет домашний фартучек. Выглядела она опрятно и

скромно, глаза в основном опускала долу, слушала, что ей говорят, внимательно, сама в разговор почти не вступала, ловко и споро подавала блюда и убирала грязные тарелки.

Михаил Евгеньевич колдовал у мангала, и сначала по тарелкам разложили запеченную в фольге рыбу, затем очень вкусные домашние колбаски, свиные и говяжьи, потом запеченные на открытом огне овощи и, наконец, огненный шашлык, к подаче которого Макаров уже был так сыт, что даже малость осоловел.

Одновременно с трапезой шло обещанное знакомство с участниками. Первой на правах ведущей выступила Екатерина Холодова. Встав из-за стола, она вышла на сооруженную в конце террасы сцену, сложила руки на груди, уперев указательный палец в тонкие, изящно очерченные губы, уставилась за окно, за которым, не переставая, шел дождь, и замолчала.

Взгляд ее проникал за стекло и, казалось, уносился куда-то в другие миры, далеко-далеко от усадьбы и сидящих на террасе людей, взоры которых были сейчас прикованы к Екатерине и ее нежному одухотворенному лицу. Макаров внезапно поймал себя на мысли, что пытается понять, о чем сейчас думает эта женщина. Вспоминает первую любовь? Волнуется из-за чего-то важного? Мечтает о несбыточном? Даже звон вилок постепенно стих. Собравшиеся перестали жевать и как замороженные смотрели на актрису, не в силах оторвать от нее глаз.

Наконец она легонько вздохнула, повернулась к собравшимся и мимолетно улыбнулась:

– Двести шестьдесят восемь.

Три десятка глаз с недоумением уставились на нее. Актриса снова улыбнулась, теперь уже широко, открыто.

– Вы наверняка хотите узнать, о чем таком трагическом я думала, пока держала паузу. А я считала про себя. Досчитала до двухсот шестидесяти восьми. Этому нехитрому трюку меня научил мой театральный педагог Юрий Мефодьевич Соломин. Я как-то спросила, о чем нужно думать для того, чтобы во время паузы удерживать внимание зрителя? И он ответил: «Просто считай». Вот об этом, а также о других маленьких актерских секретах и пойдет речь на нашем выездном ретрите. Я уверена, что будет интересно всем, даже сомневающимся, — она лукаво посмотрела на Макарова, и тот, неожиданно для самого себя, покраснел.

– А сейчас я уступаю сцену следующему нашему гостю. Ну, кто рискнет?

Первым вызвался «китаист» Илья, разыгравший смешную сценку своего первого разговора с преподавателем на китайском. Исполнял он сразу две роли, быстро и ловко пересаживаясь с одного стула на другой. К концу его легкой и довольно смешной импровизации все собравшиеся уже знали о том, почему молодой человек выбрал изучение китайского, где планирует работать после окончания МГУ и зачем приехал в Переславль вместе с матерью.

– Я ишу себя, — коротко сказал он. — И попробовать себя в новой роли — неплохой вызов самому себе.

Все аплодировали, хотя, с точки зрения Макарова, звучало это претенциозно и выпендрено. В его двадцать